

ПИСАТЕЛЬ-ПАТРИОТ О РОДИНЕ

Мы выступаем в стране, освещенной гением Владимира Ильича Ленина, где неутомимо и чудотворно работает железная воля Иосифа Виссарионовича Сталина.

Речь на открытии первого всесоюзного съезда советских писателей. 1934 г.

Радостно жить и бороться в стране, где великая мудрость партии и железная воля ее вождя Иосифа Сталина навсегда освобождает человека от проклятых навыков и предрассудков прошлого.

Приветствие Болшевской коммуны. 1935 г.

Все, что создано в Союзе Социалистических Советских Республик, — создано в срок менее двух десятков лет, и это всего красноречивее говорит о даровитости народов Союза, о их трудовом героизме, о том, что в нашей стране труд становится искусством, о том, что пролетариат Советских Социалистических Республик, руководимый учением и партией Ленина и неиссякаемой, все растущей энергией Иосифа Сталина, создает новую культуру, новую историю трудового человечества.

О культурах. 1935 г.

Я знаю, прежде всего, что каждый из вас — творец нового государства, новой культуры, что каждый из вас — человек, который не остановится ни перед чем на том пути, на который он уже стал. Этот человек трудом своим поддерживает сейчас величайшее в мире дело, поддерживает осуществление самой безумнейшей мечты, которую лелеяли когда-либо лучшие люди этого мира.

Речь на IX съезде Союза железнодорожников, 29 мая 1928 г.

Впервые за всю историю человечества рабочие и крестьяне России, завоевав власть над своей страной, завоевали себе право изменять действительность сообразно своим интересам, право строить государство на основе экономического равенства, — государство, в котором не должно быть бездельников, лентяев, паразитов, хищников и проповедников морали, угнетающей человека.

Власть, установленная трудовым народом Союза Советов, — есть подлинная власть рабочих и крестьян: у этой власти нет личных интересов, она — действительно орган воли трудового народа и воплощение его разума.

О «маленьких» людях и великой их работе. 1929 г.

Время для нас дорого, нельзя тратить даром ни единой минуты: задачи, которые мы обязаны решить, — огромны; никогда еще, никто, ни один народ в мире не пытался поставить перед собой такие трудные цели и задачи, которые поставил и разрешает рабочий класс Союза Социалистических Советов.

Рабочим Магнитостроя и др. 1931 г.

Я знаю, что такое труд: это источник всех радостей, всего лучшего в мире. И никогда за всю историю человечества, никогда человеческие ум и воля не взлетали так высоко, как теперь у нас.

Будем верить, что рука, сделавшая все то, что я видел, будет и дальше строить. А если кто-нибудь попытается остановить эту руку, она сожмется в кулак, который раздробит все, что будет стоять на его пути.

Выступление перед рабочими Балхны. 1928 г.

... Против нас все, что отжило сроки, отведенные ему историей, и это дает нам право считать себя все еще в состоянии гражданской войны. Отсюда следует естественный вывод: если враг не сдастся, — его уничтожат.

Если враг не сдастся — его уничтожат. 1930 г.

Разоблачение фашистских поджигателей, — мне нечего Вам об этом писать, — сейчас крайне важное дело.

Письмо в редакцию «Правды». 1936 г.

Подлинный, искренний революционер Советских Социалистических Республик не может не носить в себе сознательной, активной, героической ненависти к подлому врагу своему. Наше право на ненависть к нему достаточно хорошо обосновано и оправдано.

Пролетарская ненависть. 1935 г.

Теперь Союз Советов имеет хорошо вооруженную армию, каждый боец которой прекрасно знает, что он будет драться за свою свободу, за свободу страны, где он полноправный хозяин и где нет хозяев, кроме рабочих и крестьян.

К рабочим и крестьянам. 1930 год.

ДНЕПРОПЕТРОВСКАЯ ПРАВДА
28 МАР 1953

И. В. Сталин и А. М. Горький.
(Фотохроника ТАСС).

М. ГОРЬКИЙ

Один из королей республики

(ОТРЫВОК ИЗ ПАМФЛЕТА)

Передо мной сидел в глубоком кресле длинный, сухой старик, спокойно сложив на животе нормального размера коричневые сморщенные руки обычной человеческой величины. Дряблая кожа его лица была тщательно выбрита, устало-опущенная нижняя губа открывала хорошо сделанные челюсти, они были усажены золотыми зубами. Верхняя губа — бритая, бескровная и тонкая — плотно прилипла к его жевательной машинке, и когда старик говорил, она почти не двигалась. Его бесцветные глаза не имели бровей, матовый череп был лишен волос. Казалось, что этому лицу немного не хватало кожи, и все оно — красноватое, неподвижное и гладкое — напоминало о лице новорожденного ребенка. Трудно было определить — начинается это существо свою жизнь или подошло к ее концу...

Одет он был тоже как простой смертный. Перстень, часы и зубы — это все золото, какое было на нем. Взятые вместе оно весило, вероятно, менее полфунта. В общем этот человек напоминал собой старого слугу из аристократического дома Европы...

Обстановка комнаты, в которой он принял меня, не поражала роскошью, не восхищала красотой. Мебель была солидная, вот все, что можно сказать о ней.

Вероятно, в этот дом иногда заходят слоны — вот какую мысль вызвала мебель.

— Это вы... миллионер? — спросил я, не веря своим глазам.

— О, да! — ответил он, убежденно кивая головой.

Я сделал вид, что верю ему, и решил сразу вывести его на чистую воду.

— Сколько вы можете съесть мяса за завтраком? — поставил я ему вопрос.

— Я не ем мяса! — объявил он. — Ломтик апельсина, яйцо, маленькая чашка чая — вот все...

Его невинные глаза младенца тускло блестели передо мной, как две большие капли мутной воды, и я не видел в них ни одной искры лжи.

— Хорошо! — сказал я в недоумении.

— Но, будьте искренни, скажите мне откровенно — сколько раз в день едите вы?

— Два! — спокойно ответил он. — Завтрак и обед — это вполне достаточно для меня. На обед тарелка супа, белое мясо и что-нибудь сладкое. Фрукты. Чашка кофе. Сигара...

Мое изумление росло с быстротой тыквы. Он смотрел на меня глазами святого. И перевел дух и сказал:

— Но если это правда, — что же вы делаете с вашими деньгами?

Тогда он немного приподнял плечи, его глаза пошевелились в орбитах, и он ответил:

— Я делаю ими еще деньги...

— Зачем?

— Чтобы сделать еще деньги...

— Зачем? — повторил я.

Он наклонился ко мне, упираясь локтями в ручки кресла, и с оттенком некоторого любопытства спросил:

— Вы — сумасшедший?

— А вы? — ответил я вопросом.

Старик наклонил голову и сквозь золото зубов протянул:

— Забавный мальчик... Я, может быть, первый раз вижу такого...

После этого он поднял голову и, растянув рот далеко к ушам, стал молча рассматривать меня. Судя по спокойствию его лица, он, видимо, считал себя вполне нормальным человеком. В его галстухе я заметил булавку с небольшим бриллиантом. Имел этот камень величину каблука, я еще понял бы что-нибудь.

— Чем же вы занимаетесь? — спросил я.

— Делаю деньги! — кратко сказал он, подняв плечи.

— Фальшивый монетчик? — с радостью воскликнул я; мне показалось, что я приближаюсь к открытию тайны. Но тут он начал негромко икать. Все его тело вздрагивало, как будто невидимая рука щекотала его под мышками. Его глаза часто мигали.

— Это весело! — сказал он, успокоясь и обливая мое лицо влагой довольного взгляда. — Спросите еще что-нибудь! — предложил он и зачем-то надул щеки.

Я подумал и твердо поставил ему вопрос:

— Как вы делаете деньги?

— А! Понимаю! — сказал он, кивая головой. — Это очень просто. У меня железные дороги. Фермеры производят товар. Я его доставляю на рынки. Рассчитываешь, сколько нужно оставить фермеру денег, чтобы он не умер с голоду и мог работать дальше, а все остальное берешь себе, как тариф за провоз. Очень просто.

— Фермеры довольны этим?

— Не все, я думаю! — сказал он с детской простотой. — Но, говорят, все люди ничем и никогда не могут быть довольны. Всегда есть тудачи, которые ворчат...

— Правительство не мешает вам? — скромно спросил я.

— Правительство? — повторил он и задумался, потирая пальцами лоб. Потом, как бы вспомнив что-то, кивнул головой. — Ага... Это те... в Вашингтоне? Нет, они не мешают. Это очень хорошие ребята... Среди них есть кое-кто из моего клуба. Но их редко видишь... Поэтому иногда забываешь о них. Нет, они не мешают, — повторил он и тотчас же с любопытством спросил:

— А разве есть правительства, которые мешают людям делать деньги?

Я почувствовал себя смущенным моей наивностью и его мудростью.

— Нет, — тихо сказал я, — я не о том... Я, видите ли, думал, что иногда правительство должно бы запрещать явный грабеж...

— Н-но! — возразил он. — Это идеализм. Здесь это не принято. Правительство не имеет права вмешиваться в частные дела...

Моя скромность увеличивалась перед этой спокойной мудростью ребенка.